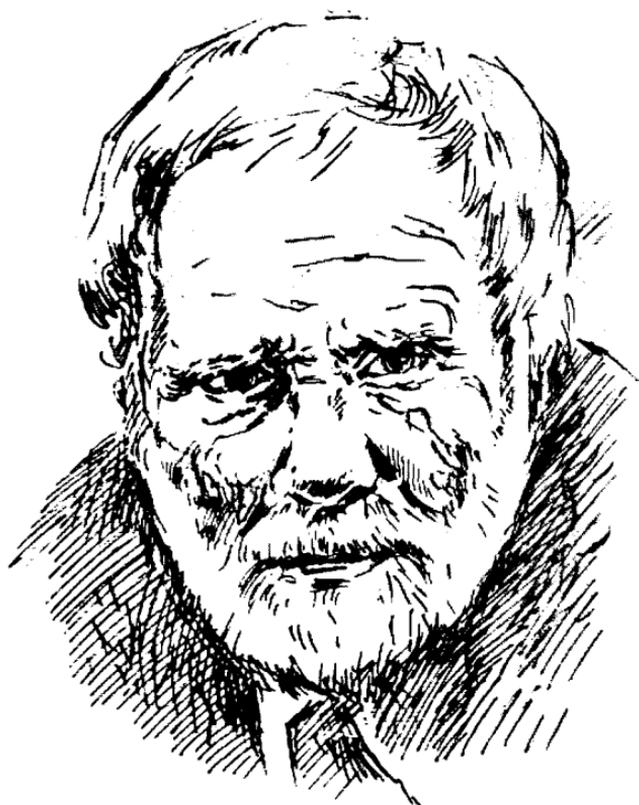

Встречи с Беловым

Не так уж много раз и видел-то я Василия Белова, ещё меньше разговаривал. Но были, были случайные и неслучайные встречи, были и разговоры...

Я русский

1992 год, весна или лето. По улице Октябрьской навстречу мне идёт Василий Белов (кто ж из вологжан не узнает его!). Я сперва промахнул мимо. Потом, кажется, и для себя самого неожиданно, остановился, оглянулся...

— Василий Иванович, здравствуйте, — подошёл к нему.

— Здравствуйте, — голову чуть набок склонил и в голубых глазах заинтересованность.

— Василий Иванович, вы недавно выступали на радио и сказали, что в протестантизме чувствуется какая-то ограниченность.

— Да, сказал, — глаза сузились.

— Но ведь так можно сказать, что и в православии чувствуется ограниченность...

И тут, как в стихотворении Александра Романова «Очки Белова», «зрачки, что крючки» — будто вцепились в меня:

— Вы русский? — тоже, будто крючком вопросом зацепил.

— Да, я русский.

— Значит, вы ещё мало думали, — уже мягче сказал Белов, развернулся и пошагал своей дорогой.

Очень скоро я понял и его правоту, и причину некоторого его раздражения. Вскоре же написал я статью под названием «Я — русский», и она была опубликована в областной молодежной газете «Ступени».

Кажется, Василий Иванович забыл тот короткий разговор. А я помню.

Такой день

А уже познакомились мы в 1993 году, осенью. Проводился областной семинар молодых авторов. Именно на том семинаре Белов сказал: «Поздравляю общественность Вологды с появлением нового писателя — Михаила Жаравина». На том же семинаре, нам молодым авторам, говорил Белов: «Подумайте, вы вступаете на не просто опасный, а на смертельно опасный литературный путь...»

Белов говорил и о моих рассказах. Точнее — обсуждались некоторые мои рассказы (первые прозаические опыты), а Василий Иванович говорил лишь об одном из них. О рассказе «Такой день». И не только говорил, он на листочке с рассказом сделал две карандашные пометки. Слово «сел» исправил на «уселся», а ещё одно слово обвёл и стрелочкой перенёс в другую часть предложения...

Одним из самых значительных в жизни стал для меня тот день. Самым дорогим для меня стал тот листочек...

Вопрос

Вот уже после семинара он и стал меня узнавать. Никогда не сделает вид, что не заметил — подойдёт, поздоровается, руку подаст, спросит о чём-то...

Я подрабатывал дворником. Участок мой — «Старый рынок». Половина шестого утра. Мету. Поднял опрокинутую урну, собрал рассыпанный мусор...

Гляжу: коренастый, в черном костюме, в темной рубашке идёт энергично, будто по какому-то важному делу Василий Белов. Меня увидел:

— Привет! — улыбнулся, подошел, руку протягивает.

Я торопливо, смущённо, стягиваю грязную рабочую рукавицу...

Белов будто не заметил моего смущения, руку пожал, кивнул на мусор:

— Как думаешь, почему люди урны переворачивают?
— Не дождавшись ответа, добавил: — Ведь добрые-то дела приятнее делать...

Я пожал плечами.

— Вот в чём вопрос! — подняв указательный палец, сказал Белов. Снова пожал мне руку и, деловито, пошёл в сторону реки... Без двадцати шесть утра...

На всю жизнь мне вопрос задал.

Пожелание

Александр Цыганов спросил:

— Вы не могли бы помочь Василию Ивановичу получить книги из типографии?

Конечно! Конечно, я могу!

И вот «Нива» Белова стоит у «окна выдачи готовой продукции» областной типографии. Получаем перехваченные жёстким синтетическим шпагатом упаковки. В них, судя по надписи на упаковке, «Рассказы о всякой живности». Подхватываем с ползущей ленты конвейера пачки и укладываем в багажник машины. Белов, Цыганов, я. Потом едем к гаражу Белова, где-то за «ликёркой». Перекладываем книги в гараж. И тут уж я, грешен, сам попросил у Василия Ивановича книжку. Он стал разрывать упаковку и об шпагат, не сильно, но порезал руку. Достал две книжки. Тут же подписал и мне, и Александру Цыганову...

Потом пешком шли в сторону дома Василия Ивановича, и он хвалился: «Я теперь каждое утро зарядку делаю! Вот такое упражнение делаю, и вот такое...» Тут же посреди тротуара и показывал, делал вращения и рывки

руками. Люди оглядывались. «Хорошие упражнения?» — добивался от меня Белов (он, как мне кажется, с каким-то особым уважением относился к моим занятиям спортом и тренерской работе). «Хорошие, Василий Иванович, хорошие»...

«Диме Ермакову, с пожеланием хорошей литературной дороги», — написал он в той книжке. Спасибо, Василий Иванович, за пожелание...

«Как умею...»

Переполненный автобус. Белов сам протиснулся ко мне. Подал руку. Что-то спросил...

— Плохо пишешь, Вася, — подвыпивший мужик сбоку откуда-то сказал.

Сколько, наверное, таких вот «критиков» считало долгом своим поддеть Белова. «А просто так, чтоб не зазнавался». Лезли с дурацкими и просто ненужными разговорами, вопросами. Лезли-то, чтоб хоть так прикоснуться, стать и самим заметными хоть на мгновение, чтобы похвастать, может, потом: «Да я Васе Белову сказал...»

А он только усмехнулся тогда в автобусе:

— Плохо? Ну, как умею... — меня по плечу хлопнул: — Пока! — и неожиданно ловко и быстро протиснулся к выходу, в тот же момент автобус остановился, двери со скрипом раскрылись. Белов вышел. А тот «критик»... Я его уже и не разглядел потом в автобусной толкучке.

Однажды

Однажды зашёл в помещение Вологодского отделения Союза писателей (три соединенных кабинета на Ленина, 2). Сидит почему-то Василий Иванович, один. Палку в пол

упёр и обе руки перед собой на рукоять палки положил. Потому и запомнились его руки, кисти. Небольшие, как ни странно, пухловатые. И на одной (не помню правой или левой) бледно синяя старинная наколка: «Вася»...

И так мне стало... Думаю: «Если сейчас не скажу, будет ли ещё случай...» Шагнул к нему: «Василий Иванович, спасибо вам за всё».

Взглянул он на меня светло-голубыми глазами, покачал головой белой:

— Дима, и ты... Мне же стыдно...

«За что же стыдно-то, Василий Иванович?» Не спросил я его... А и не надо об этом спрашивать...

На родине Белова

Живое слово

«На стене над моим столом фотография с картины художника Волкова: Пушкин, преодолевая боль, приподнимается на снегу и целится в международного проходимца, напялившего для маскировки русский гвардейский мундир. Настольная энциклопедия Битнера называет Дантеса не офицером, а дипломатом. Будущему владельцу роскошного замка всё равно было, кому служить: то ли Николаю I, то ли масону и предателю Франции Наполеону III.

Александр Сергеевич Пушкин умрёт, ему осталось жить очень недолго. Возок ждёт, секунданты застыли в безмолвии. Пушкин целится во врага своей Родины. Я родился через девяносто пять лет, без мала целый век минул после той петербургской зимы, — но почему я плачу? Без слёз, сжимая поределые зубы... Плачу о матери и о Пушкине».

Цитата почти случайная из очерка Василия Ивановича Белова «Душа бессмертна» (на любой странице можно раскрыть любую книгу Белова и уже не оторвёшься). Но нет — не случайная, как не случайно всё в этом мире. Как и Пушкин, Василий Белов уже навсегда в русской жизни, как и Пушкин, «отстояв назначенье своё, отразил он всю душу России...», как и Пушкин, и до сего дня не даёт он

спуска врагам России... И я стискивая тоже уж поределье зубы, плачу, думая о Пушкине или читая Белова, или глядя на его дом в Тимонихе... Но нет (не дождётесь!), то не слёзы слабости, то слёзы благодарной любви и светлой печали...

«Три года я с помощью моих друзей Анатолия Заболотского и Валерия Страхова спасал то, что осталось от нашей церкви. Однажды ранним утром, когда устанавливал самодельный дубовый крест, стоя на качающихся лесах, я взглянул окрест... То, что я увидел, никто не видел не менее ста тридцати лет. Птицы летели не вверху, а внизу. Подкова озера, окаймлённая кустами и мшистыми лывками, оказалась маленькой и какой-то по-детски беззащитной. Вода без малейшего искажения отражала голубизну бездонного неба. Всё вокруг было в солнечном золоте, в утреннем зелёном тепле, в тишине и в каком-то странном и даже счастливом спокойствии. Могилки внизу с голубыми, неверно сбитыми крестиками, обросшие тополёвой дикой молодью, занимали совсем немного места среди полей и лесов, уходящих далеко в дымчато-золотой горизонт. И они поредели, родные леса! Горизонт растворялся в сиреновой дымке, поглощенный и объятый безбрежным, бездонным небесным куполом».

Не с высоты церковного купола, но довелось и мне увидеть и блёсткую подкову озера, и заозёрную деревеньку с серебряными банями, и леса, и поля, которые, по словам Белова, пахались ежегодно, как минимум, полторы тысячи лет. В 1995-м их впервые не обработали, не распашаны они и в 2007-м...

И, заплутав в сумерках северной светлой ночи, потеряв тропу, продирался я с товарищем через те буйные, путающие ноги травы... А и хотелось пасть в те травы, на ту землю...

Пробравшись вдоль оврага, за которым густились деревья и кусты и виднелись очертания храма, мы выбрались на твёрдую дорогу... Тишина была, великая тишина над родиной Белова... И я вдруг осязаемо ощутил абсолютное счастье. Счастье то можно было даже потрогать...

Потом, уже днём, увидели вблизи церковь, восстановленную трудами Василия Ивановича и его друзей, могилки под деревьями. Тут и деревянный крест, и могильный камень с надписью: «В 37 лет она стала солдатской вдовой»... Мама Белова...

А как долго ехали мы в Тимонику. Сначала по асфальтовому шоссе, потом по бетонке, потом уж по грунтовой дороге. Поля, леса, деревни, речки... Вот откуда, из самых глубин северной Руси, явился и сам Белов, и вывел в мир своих героев. Иван Африканович Дрынов, дедко Никита Рогов, неутомимый строитель мельницы Павел Рогов, Олёша Смолин... Всех и не перечислишь. Ведь только в «Канунах», первой части великого романа-трилогии «Час шестой», десятки героев.

Великий подвиг Белова — запечатленные души, лица, будни и праздники русских тружеников: плотников и землепашцев, священнослужителей и учёных, солдатских вдов и ребятишек, заменивших в тяжкой мужской работе погибших на фронте отцов...

Набираю на компьютере цитаты и вижу, как густо подчёркивает машина беловские строчки зелёным и красным. Ну не помещается живое русское слово в компьютерные рамки.

Живое русское слово — родная стихия Василия Белова, и он щедро делится с читателем этим великим счастьем — говорить и мыслить на русском языке.

Горжусь, что живу в одно время и на нашей общей земле с Василием Ивановичем Беловым.

Тимониха

Уже бывал я там несколько лет назад. Даже что-то писал... Как передать словами то, что почти неуловимо органами чувств — состояние души, духа... Как передать, что хотелось раствориться в этом тумане, задернувшем поля, дорогу и озеро от посторонних глаз...

Большой дом, жернов, вкопанный у крыльца, и низкая входная дверь, и высокая крутая лестница, ведущая в избу... Сразу за входной дверью, налево от лестницы — вход в какое-то хозяйственное помещение, а там деревянная утварь, и на каждой вещи бумажка с надписью — «корчага», «пестерь», даже косточки-«бабки», игра в которые так ярко описана в «Канунах», сложены в чугунок и подписаны. Чтобы знали, чтобы помнили... Пусть это кажется наивным, пусть. Белов делал и делает свое великое дело. Он сохраняет Родину. Для всех нас. И хочет, чтобы мы не только по его книгам, но и воочию увидели и корчагу, и пестерь. Если мы забудем их — мы потеряем что-то очень важное, может, даже главное, без чего уже не сможем называться русскими и просто людьми. Я верю в это, этой вере научил меня Белов.

Обычная северная русская изба с хозяйкой-печкой посредине, вокруг которой и кипела жизнь. Теперь уже и здесь, как и во всей Тимонихе, как и во всех-то русских деревнях жизнь лишь временами вскидывается — то приездом самого Белова, то его сестры или племянницы с детьми, то вот таких гостей, как мы в тот день...

Всё здесь ещё живо — и как бы хотелось, чтобы не стал просто музейным экспонатом этот дом, эта деревня, в которой уже никто не зимует, да и на лето приезжают в три или четыредома... Я бы умер, просто бы лёг и умерзато, чтобы всё это жило и впредь живой, а не музейной жизнью...

Друг мой попросил воды у племянницы Василия Ивановича — Екатерины и пил её, колодезную, из ковша. А потом мы (я, Ирина, Андрей) шли по затуманенной дороге мимо силуэта восстановленной силами Белова и его друзей церкви, мимо погоста, где лежат его земляки и его мать... Шли к озеру. «Что с тобой, Андрей? Что?» — спросил я (видел, что... что-то случилось с ним). «Знаешь, у меня была давняя мечта — приехать или придти в Тимонику, подойти к калитке у этого дома и попросить воды, попить, поблагодарить и уйти. И всё». Счастливый человек! Но и я счастлив — я читаю Белова, я видел его и даже не раз говорил с Василием Ивановичем, я иду по дороге, по которой ходил сам Белов и его друзья — Яшин, Шукшин, Передреев... «Тихая моя родина» — вслед за Беловым и Рубцовым шепчу я...

И мы уедем из Тимоники в город, как ушёл когда-то подростком сам Белов, как ушли из своих деревень миллионы русских крестьян. И как и они, я буду носить свою родину, свою Тимонику в сердце...